

УДК 398

ДРЕВНИЕ ПЛАСТЫ ТАТАРСКИХ ПАРЕМИЙ

Х.Ш. Махмутов, доктор филологических наук, профессор

Паремиологический фонд татарского фольклора начал формироваться в глубокой древности, и в течение многих веков — вплоть до становления современных тюркских языков — процесс этот шел в недрах общетюркского фольклора. Древнетюркские письменные памятники содержат в себе довольно много различных видов паремий, имеющих неопределимое значение для изучения малых жанров фольклора, особенно истории их возникновения и развития.

Насколько нам известно, первые образцы древнетюркских афоризмов были зафиксированы в так называемых орхонских памятниках, написанных руническим письмом на мраморных стелах и сосредоточенных главным образом в бассейнах реки Орхона и ее притоков на территории современной Северной Монголии. В VI—VIII вв. нашей эры здесь находился центр Тюркского каганата — государства народа *кок тюрк* 'голубые турки', владения которого занимали обширные пространства Центральной Азии от Маньчжурии до Каспийского моря. Вышеуказанные стелы с руническими текстами представляли собой надписи в честь выдающихся государственных деятелей Тюркского каганата. К таковым относятся, в первую очередь, Малая и Большая надписи прославленному витязю и полководцу Кюль-тегину (732 г.), надписи знаменитому Бильге-кагану, старшему брату Кюль-тегина (735 г.) и мудрому советнику каганов Тоньюкуку, бывшему одновременно и видным военачальником (734 г.). Содержание этих надписей значительно шире, чем биографии отдельных лич-

ностей. Повествуют они и о возникновении каганата, и о многочисленных военных походах, и о борьбе тюркского народа за свое освобождение из-под китайского ига, в котором он находился в 630—682 гг. Поэтому жанр надписей часто определяется как мемориальная хроника, а С.Г.Кляшторный называет их даже «летописью бурной истории Тюркского каганата», хотя он сам же указывает на целый ряд несоответствий в изложении исторических событий в надписях с действительно происшедшими событиями в жизни государства кек тюрков¹. Как справедливо указывают отдельные исследователи, здесь дело в том, что надписи эти не историко-документальные сочинения, а литературные произведения. Автором первых трех из них, хотя повествование и ведется от имени Бильге-кагана, является родственник кагана Йолыг-тегин, о чем несколько раз упоминается в самих текстах: «Эту надпись написавший его племянник Йолыг-тегин». Полагают, что надпись в честь Тоньюкука написана им самим, во всяком случае делалось это по его прямому распоряжению: «Я приказал написать это для народа тюркского Бильге-кагана, я, мудрый Тоньюкук»².

Как явствует из художественного оформления текстов, и Йолыг-тегин, и Тоньюкук были большими знатоками как литературных канонов, так и фольклорных традиций своего времени. Известный исследователь орхонских надписей И.В. Стеблева вполне резонно допускает, что тексты памятников в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, возможно, являлись литературной трансформацией песен и героических

сказаний, складывавшихся вокруг этих героев. Видный эпосовед Х.Г. Короглы также подчеркивает, что «в этих памятниках..., хотя повествование основано на историческом материале, события даны в эпическом плане»³.

Действительно, многими своими художественными особенностями — построением сюжета по генеалогическому принципу, общенародной проблематикой, озабоченностью судьбами страны, идеализацией и гиперболизацией как персонажей, так и событий и т.п. — орхонские памятники как бы перекликаются с эпическими произведениями тюркского фольклора.

Нас здесь интересует такой важный поэтический элемент народного эпоса, как использование постоянных клише, разнообразных стилистических формул и штампов. Ибо в роли таких эпических формул довольно часто используются как раз пословицы, поговорки или же другие типы паремий, придающие текстам надписей большую выразительность и эмоциональность. По нашим подсчетам, их всего более десяти и некоторые изречения повторяются по 3–4 раза. Иногда пословица вводится в ткань художественного произведения без каких-либо изменений как прямая речь, как апелляция к народной мудрости и делается это обычно при помощи слов «говоря», «как говорится» и т.п. Например, в Малой надписи в честь Кюль-тегина читаем:

«...анта аныг киси анча
башгурур эрмис
 ырак эрсэр йаблак агы бирур
 йагук эрсэр эдгү агы бирур
 тип анча башгурур эрмис».

‘...там дурные люди так научали:
 «Кто далеко, тому дают
 плохие дары,
 кто близко, тому дают
 хорошие дары», —
 говоря так научали»⁴

Если даже текст паремии в надписи специально не выделен, его нетрудно

узнать по художественному оформлению:

«Иним Кул тигин кэргэж болты
 озим сакынтым.
Корур көзим көрмэз тэг
билир билигим билмэз тэг болты...»

‘Мой младший брат Кюль-тегин
 скончался,
 я сам заскорбел.
Зрячие очи мои словно ослепли,
вещий разум мой словно отупел...’

Подчеркнутое нами двустипшие восхищает своей поэтической отточенностью. Имеются в нем рифменная аллитерация и ассонанс. Что касается ритмического строения, перед нами семисложник со звеноразделом после четвертого слога (4+3). Все эти поэтические приемы, в первую очередь, присущи фольклорному стиху. Видимо, поэтому профессор Х. Усманов полагал, что двустипшие это должно быть извлечено из какого-то народного сказания⁵. И действительно, Н. Хисамов обнаружил его в огузском эпосе «Китаби Дәдә Горгуд», правда, в несколько ином варианте:

Дәли Домрулун көрэр көзү көрмэз олду.
 Тутар эллэри тутмаз олду
 ‘Видящие глаза удалого Домрула перестали видеть, держащие руки его перестали держать’⁶.

Итак, мы более-менее уверенно можем сказать, что поговорка *Корур көзим көрмэз тэг* является изречением фольклорного происхождения, проникшим и в письменный литературный язык. Что касается целого ряда стилистических формул типа *Башлыгыг йүкүнтүрмис, тизлигиг сөкүрмис* ‘Имевших головы они заставили склонить [головы], имевших колени они заставили преклонить [колени]’, они вполне могли быть сочинены авторами надписей и проникнуть затем в фольклорный репертуар. Как известно, в сочинении пословиц в древности активно участвовали чичени (поэты-

импровизаторы), старейшины родов и др. Одним из таких народных мудрецов вполне мог быть и Тоньюкук. В надписи, авторство которой приписывается ему, имеется ряд афористических выражений, не встречающихся в других орхонских памятниках: *Тун удуматы, кунтуз олурматы, кызыл каным төкти, кара тәрим йугурти* 'Ночью не имея сна, днем не имея покоя, проливая свою красную кровь, заставляя течь свой черный пот' и др. «Речь Тоньюкука пестрит пословицами», — отмечает Х.Г. Короглы. Он проводит интересную параллель между историческим лицом Тоньюкуком и эпическим героем Деде Коркутом. Речь последнего также полна народной мудрости, пословиц и поговорок, которые впоследствии приобрели самостоятельную жизнь и как афористические произведения. Так, «в древнейшем сборнике «Пословицы и поговорки» («Аталар сою»)», сохранившемся в рукописи XVI в., все примеры приводятся от имени Деде Коркута»⁷.

Язык орхонских надписей для своего времени являлся единым, наддиалектным и общепонятным литературным языком. Им пользовались различные тюркские племена: огузы, уйгуры, киргизы, кыпчаки... Следовательно, и устойчивые выражения, паремии, встречающиеся в орхонских надписях, могли найти применение в литературных произведениях других тюркских регионов, в т.ч. Поволжья. Еще больший круг распространения они должны были иметь в устном бытовании.

Исходя из таких предпосылок, мы попытались проследить, как упомянутое выше изречение *Көрүр көзүм көрмәз тәг* ... бытовало в татарском фольклоре и литературе в последующие эпохи. И встретились мы с ним в различных списках знаменитого произведения «Нахдж-ал-фарадис». Автором этой книги является Махмуд Булгари, который родился в г. Булгар и творил в г. Сарай. Завершил он свое сочинение 8 (22) января 1358 г.

Изречение *Көрүр көзүм көрмәз тәг* использовано в стамбульском списке

«Нахдж-ал-фарадис»а в своем наиболее полном варианте:

*Күрүр күзүң күрмәз, тутар илкиң тутмаз, йүрүр азақун йүрмәз, сүзләр тилиң сүзләмәз булгай*⁸.

'Словно зрячие очи видеть, держащая рука держать, ходячая нога ходить, говорящий язык говорить перестали'.

Итак, крылатое выражение, зафиксированное руническим письмом на мраморе в первой половине VIII в. в верховьях реки Орхон, спустя шесть столетий появляется на страницах литературного произведения, написанного арабским письмом на бумаге в Поволжье.

Орхонские памятники стали известны науке сравнительно недавно. Чуть более ста лет назад — в 1889 г. Н.М. Ядринцев, сибирский краевед, археолог и этнограф, обнаружил в верховьях р. Орхон (Северная Монголия) три каменные стелы с руническими и китайскими текстами. 15 декабря 1893 г. на заседании Датской королевской академии В. Томсон доложил о результатах дешифровки рунического письма...⁹ Но за 13 лет до этого, т.е. в 1880 г., педагог М.Ш. Салихов выпустил в Казани сборник «Табышмактар һәм һәртөрле халык арасында әйтелә торган мәкальләр» (Загадки и различные пословицы, бытующие в народе). На 14-й странице сборника читаем: *«Киләсе каза булса, күрер күзең күрмәс булыр, ишетер колагың ишетмәс булыр»*. Смысл изречения таков: коль предначертана беда, зрячие очи твои станут слепыми, слышащие уши станут глухими.

Следовательно, анализируемое изречение дошло из глубины веков до наших дней двумя путями: с одной стороны — зафиксированным на камне, а с другой — независимо от письменных источников, по непрерывающейся линии народной памяти. О том, что оно (изречение) в конце XIX в. активно бытовало в народе, свидетельствуют и другие источники. Как известно, видный татарско-башкирско-казахский поэт

М. Акмулла (1831–1895) в своих стихотворениях широко использовал народные афоризмы. Среди них встречается и исследуемое нами выражение:

«*Бәлә килсә, күрер күз күрмәз улыр,
Каза килсә, аяклар йөрмәз улыр*»¹⁰.

(Беда придет — зрячий глаз слепым станет, несчастье придет — ноги неходячими станут).

На этом следы древней поговорки не затерялись. В 1912 г. ее в свой сборник «Халык әдәбияты: Мәкальләр» (Народная литература: Пословицы) включил Х.Габдельбади́г (Ходжа Бади́ги) [с. 67]. Вошла она и в сборник «Татар теленең фразеологиясе, мәкаль һәм әйтемнәре» (Фразеология, пословицы и поговорки татарского языка), составленный и изданный в 1957 г. в Казани Л.Залаяем, Н.Бургановой и Л.Махмутовой, где указан и ее переносный смысл: «Быть сильно обманутым» [с. 217]. Писал о ней в 1979 г. и Н.Исанбет¹¹.

Таким образом, в современном татарском фольклоре есть изречения, ко-

торые непосредственно связывают его с литературно-фольклорным памятником древних тюрков VIII в. Еще больше фактов подобного рода дают нам другие древнетюркские источники: рукописный сборник пословиц из библиотеки буддийского пещерного монастыря в Дуньхуане (Восточный Туркестан, X в.), словарь М.Кашгари «Дивану лугат-ит-тюрк» (XI в.), словарь кыпчакского (куманского) языка «Кодекс Куманикус» (1303 г.) и др., в которых, по нашим подсчетам, зафиксировано около 400 изречений, представляющих все жанры афористического творчества. Фронтальное сопоставление этих древних текстов с современными татарскими паремиями выявило среди них более 200 адекватов или очень близких вариантов, что свидетельствует о существовании между ними непосредственной преемственности и что значительная часть паремиологического фонда татарского народного творчества была вынесена народной памятью из общетюркского фольклорного наследия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М., 1964. — С. 43, 90, 91, 136 и др.

² *Стеблева И.В.* Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. — М., 1976. — С. 14, 49.

³ *Куроглы Х.Г.* Борынгы төрки язмачылык // Татар әдәбияты тарихы. Алты томда. I. — Казан, 1984. — Б. 43.

⁴ Древнетюркские тексты и их переводы на русский язык приводятся по вышеуказанной книге И.В. Стеблевой «Поэтика древнетюркской литературы...».

⁵ *Усманов Х.* Древние истоки тюркского стиха. — Казань, 1984. — С. 76.

⁶ *Хисамов Н.Ш.* Поэма «Кысса-и Йусуф» Кул ‘Али. — М., 1979. — С. 207.

⁷ *Куроглы Х.Г.* Борынгы төрки язмачылык ... Б. 47.

⁸ *Eckmann J.D.* «Nehcül feradis». С. 1. — Ancara, 1956. — S. 280–15–16.

⁹ *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники... С. 5–6.

¹⁰ *Акмулла.* Шигырьләр / Төзүчесе М.Госманов. — Казан, 1981. — Б. 135.

¹¹ *Исанбет Н.* Татар теленең фразеологик әйтемнәрендә тарихылык һәм үткән белән бүгенге чагылышы // Казан утлары, 1979. — № 12. — Б. 126–127.

Аннотация

Богатый афористический фонд татарского фольклора начал формироваться в глубокой древности, и в течение многих веков — вплоть до становления современных тюркских языков — процесс этот шел в недрах общетюркского фольклора. В целом ряде древних письменных памятников зафиксированы тексты пословиц, поговорок, загадок и других ви-

дов паремий, которые являются серьезным подспорьем в изучении генезиса и эволюции афористических жанров. В статье Х.Ш. Махмутова подвергаются конкретному анализу паремии из Орхонских рунических памятников (VIII в.), проводится сопоставление их с современными татарскими пословицами, при котором обнаруживается их текстуальная и семантическая близость, а иногда и полная идентичность. Автор подчеркивает, что такая же картина характерна и для других памятников: словаря Махмуда Кашгари «Дивану лугат-ит-тюрк» (XI в.), «Кодекс Куманикус»а (1303 г.) и др. В письменных источниках VIII-XIV вв. автором обнаружено около 400 изречений, более половины которых имеют адекваты или очень близкие варианты в современном репертуаре татарского фольклора. Делается вывод, что значительная часть татарских паремий была вынесена и сохранена до наших дней из общетюркского фольклорного наследия.

Ключевые слова: древнетюркские афоризмы, орхонские памятники, Тюркский каганат, эпические формулы, фронтальные сопоставления, адекваты, близкие варианты, руническое письмо.

Summary

The rich aphoristic fund of tatar folklore started to be formed in an extreme antiquity and this process went in the bounds of Turkic folklore through many centuries. Texts of proverbs, **sayings**, riddles which are serious help in studying genesis and evolution of aphoristic genres are saved in variety of written monuments. In the article proverbs, **sayings**, **riddles from Orhonsky runik monuments** (VIII century) are exposed to concrete analysis and are compared with modern tatar proverbs at which their textual and semantic affinity are recognized and sometimes even full identity can be found. The author underlines that such monuments as «The dictionary of Turkic languages (XI century) by Makhmoud Kashgari», «Code of Kumanikus» (1303) and etc are characterized by the same picture. In written sources of VIII-XIV centuries the author found out about 400 sayings which have very close variants in modern repertoire of tatar folklore. That lets the author make a conclusion that a considerable part of tatar proverbs has been saved till nowadays as a part of Turkic folklore heritage.